

12+

ЗАПИСКИ УЛИЧНЫХ КОТОВ



РАФАЭЛЛА ГАТИ

Рафаэлла Гати

Записки уличных котов

«Издательские решения»

Гати Р.

Записки уличных котов / Р. Гати — «Издательские решения»,

«Люди думают, что это они приручили нас. Пусть верят в эту сказку...» Уличный кот — не просто попрошайка у ног. Это философ, стратег и политик. За ленивым мурчанием скрываются законы выживания, иерархия и суровая мудрость, которую не купить ни паштетом, ни лаской. Луис, Шелли, Фараон — каждый со своей историей. Вместе они — целая республика со своими войнами, предательством и свободой. Откройте книгу — и вы никогда не пройдёте мимо уличного кота, не задумавшись: а о чём он на самом деле молчит?

© Гати Р.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I: ЗАКОНЫ АСФАЛЬТА	8
Глава 1: Левая сторона принадлежит мне	8
Глава 2: Дежурная у кормушки	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Записки уличных котов

Рафаэлла Гати

© Рафаэлла Гати, 2026

ISBN 978-5-0069-9803-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Улица в Афинах, раннее утро.

Летом в Греции рассвет приходит рано, и первые лучи солнца окрашивают жёлтые фасады домов в мягкий персиковый цвет. Город ещё спит, и только птицы начинают свою утреннюю переключку. Воздух пахнет цветами, которые растут в каждом дворе, и сладковато-горьким ароматом от померанцевых деревьев, увешанных ярко-оранжевыми плодами — они светятся среди густой тёмно-зелёной листвы, как фонарики.

Улица просыпается медленно, нехотя, как старый кот, которому лень вставать с тёплого места. Ночью здесь было слишком жарко, чтобы спать как следует, и люди всё ещё пытаются урвать последние минуты прохлады перед тем, как солнце превратит эту узкую улочку в раскалённую сковородку.

Отдаленный район в Афинах. Обычный спальный квартал с трёх-, пяти-, семиэтажными домами. Здесь нет широких проспектов и большого потока машин, только узкие улочки, вымощенные серой плиткой, и деревья, дающие тень в жару.

У домов зеленые помойки. Они пахнут рыбой и чем-то кислым, но это нормально. Это запах жизни, и никто особо не обращает на это внимания. Апельсины падают с деревьев на асфальт и лежат там, пока их не раздавят прохожие.

У одного из домов есть длинный коридор с цветами, который спускается вниз, к нулевому этажу, где живёт женщина, которая выходит утром и вечером с мисками еды. Окна её квартиры уходят почти в землю, панорамные, с белыми решётками, и каждую ночь возле этих окон собираются тени. Они сидят, ждут, разговаривают на своём языке, который люди не понимают, а слышат только мяуканье, шипение и урчание.

Сейчас шесть утра, и эти тени начинают оживать, превращаясь в реальных существ с мехом, усами и хвостами.

На капоте синего автомобиля лежит крупный рыжий кот с белой грудкой и взглядом, который говорит, что он видел в этой жизни слишком много, чтобы чему-то удивляться. Он не спит, просто лежит и смотрит вдаль, контролируя что-то, что видит только он.

Рядом, на ступеньках магазина, устроилась старая кошка с черепаховым окрасом — пятнистая смесь чёрного, рыжего и кремового, — с хриплым голосом и умением сидеть так, что люди не могут пройти мимо, не дав ей еды.

Чуть дальше, на столбе у ворот, застыла длинношёрстная бело-рыжая кошка. Сидит высоко, смотрит на всех сверху вниз — царственная, отстранённая, как будто улица существует для её личного созерцания.

В тени кустов прячется светлый кот с огромными ушами и грустными голубыми глазами. Он всегда прячется, всего боится, но никогда не уходит, потому что это и его улица тоже.

На балконе второго этажа за приоткрытой дверью виднеются ещё двое — чёрный маскивный кот и рыжая кошка, готовая устроить очередную драму.

Правая сторона улицы принадлежит серому коту, спокойному и дружелюбному. Он здесь родился и никогда не жил в доме, ему хватает асфальта под лапами и неба над головой.

Еще один рыже-белый кот с полосатым хвостом сидит возле окон на нулевом этаже и смотрит туда, внутрь, как будто ждёт кого-то.

Где-то в глубине дворов, в импровизированном домике из картонных коробок, просыпается дежурная — кошка с внимательными глазами. Она потягивается, выгибая спину, но уже думает о работе: скоро нужно занимать пост и следить за улицей.

Рядом дремлет кот, который чихает даже во сне, потому что болен. Но его никто не гонит, потому что здесь не гоняют своих.

На крыше сарая свернулась клубком старая кошка, которая готова съесть всё, что попадётся. У неё нет чувства меры, зато есть чувство юмора. Это если бы коты умели смеяться.

За углом, на границе территории, сидит чёрный кот с другой улицы. Он упорно пытается прописаться здесь. Несмотря на то, что его каждый раз гоняют, он возвращается снова и снова, потому что упрямство сильнее страха.

А в окне на нулевом этаже, прижавшись носом к стеклу, сидит полосатая молодая кошечка и смотрит на улицу с тоской того, кто помнит, как пахнет асфальт и свобода, но выбрал тепло и безопасность.

А где-то в конце другой улицы, в небольшой ветеринарной клинике с выцветшей вывеской, на тёплых каменных ступенях крыльца уже сидит крупный серый кот с белоснежной грудкой. Он не спит — он встречает рассвет, как делает это каждый день. Его янтарные глаза спокойны и мудры, в них нет страха, только древнее понимание того, что жизнь и смерть идут рядом.

Это их улица. Одна из тысяч таких в Афинах, где коты живут повсюду — у помоек, на крышах, в подъездах, под машинами. В Греции их столько же, сколько голубей, может, даже больше. Они — часть ландшафта, городской жизни, того самого духа, который делает эту страну такой, какая она есть. Кто-то их любит, кто-то ненавидит, большинство просто не замечает, но они здесь, и никуда не собираются уходить.

На улице нас около тридцати, может, чуть больше или меньше, потому что состав постоянно меняется — кто-то приходит, кто-то уходит. Но костяк остаётся: те, кто вырос на этой улице и помнит её наизусть. Главные и второстепенные, охранники территории и те, кто просто пытается выжить. Старые и молодые, больные и здоровые, храбрые и трусливые. Одни дерутся за каждый кусок, другие готовы поделиться последним.

Но все мы знаем одно: эта улица — наша. Наш дом. Наша территория. Наша жизнь.

У нас есть свои законы, порядки, иерархия. Есть левая сторона и правая, есть границы, которые нельзя нарушать. Есть места, где можно спать, и места, где нельзя. Есть кормушки, за которые идёт вечная война с людьми, которые их выбрасывают, и люди, которые их возвращают. Есть те, кто нас кормит, и те, кто нас гонит. Есть те, кто нас любит, и те, кто ненавидит.

Есть женщина на нулевом этаже, которую одни из нас называют Охотницей с Переноской, потому что иногда она пытается нас ловить, чтобы отвезти к ветеринару, а другие — просто Той, Что Кормит, потому что каждый день она выходит с мисками, и мы знаем: она не предаст, не забудет и не бросит.

Есть соседка с мужем, которые тоже кормят и воют из-за кормушек. Есть седовласый джентльмен, который приезжает с клеткой-ловушкой — мы его боимся, но знаем, что он не враг. Есть добрый доктор, в чьей клинике пахнет лекарствами и страхом, но там же живёт надежда, потому что оттуда возвращаются живыми.

Рассвет окончательно разливается по улице, и солнце поднимается над крышами, обещая жару, которая заставит всех нас искать тень и лежать неподвижно до самого вечера. Скоро проснутся люди, откроются магазины, начнётся суeta — работа, покупки, разговоры, в которых мы не участвуем, но которые слышим.

Скоро выйдет женщина с мисками, потому что кто-то всегда голоден. Кто-то выбросит кормушку, а кто-то вернет ее обратно, и эта война никогда не закончится.

Начнётся драка из-за лучшего куса, кто-то поймает птицу и понесёт её с гордо поднятым хвостом, кто-то будет гоняться за кузнечиками в траве.

Но сейчас — тишина. Только мы, улица и рассвет.

Мы здесь. Мы всегда были здесь.

Это наша улица.

А это — наша история.

ЧАСТЬ I: ЗАКОНЫ АСФАЛЬТА

Глава 1: Левая сторона принадлежит мне



Чёрный косматый кот сидит на балконе второго этажа и смотрит вниз на улицу, как полководец на поле боя перед решающим сражением. Массивный, с широкой грудью и мощными лапами, он выглядит так, будто создан для того, чтобы внушать страх, и прекрасно об этом знает. Шерсть его блестит на солнце, а янтарные глаза холодны и расчётливы, в них нет ни капли сомнения или мягкости, только уверенность того, кто привык побеждать.

Когда он спускается с балкона — а делает он это медленно, демонстративно, прыгая сначала на железную решётку с ветками, потом сползая по дереву вниз, — вся улица замирает. Коты отступают в стороны, прижимают уши, опускают взгляд. Даже те, кто крупнее его, делают шаг назад, потому что размер здесь не имеет значения, когда речь идёт о власти настоящей, той, которую не нужно доказывать кулаками каждый день.

Его зовут Люцифер, а хозяйка квартиры на втором этаже называет его «милым котиком», что вызывает у всей улицы приступы смеха. Милый котик. Ха-ха. Для неё, может быть. Для всех остальных он — Справедливый Повелитель Тьмы, и это не шутка. Это должность, заслуженная кровью, потом и исключительной наглостью.

Левая сторона улицы принадлежит ему, и он готов напомнить об этом любому, кто по глупости забыл.

Меня зовут Люцифер, и прежде чем вы начнете хихикать над моим именем, позвольте объяснить кое-что о власти на улице.

Власть — это не тот, кто громче всех кричит или дерётся с каждым встречным идиотом, пытаясь доказать своё превосходство. Драться могут все, это удел дураков и молодых самцов, у которых больше тестостерона, чем мозгов. Нет, настоящая власть — это когда ты выходишь на улицу, и все остальные инстинктивно отступают на шаг, не потому что боятся получить по морде, а потому что понимают: спорить с тобой бесполезно. Ты — закон. Ты — порядок. Ты — тот, кто решает, кому есть первым, кому спать на лучшем месте, кто имеет право находиться на этой территории, а кого нужно выгнать подальше, желательно пинком под зад.

Я пришел на улицу три года назад. Появился ниоткуда, как чёрная туча перед грозой — голодный, злой, с разорванным ухом, гематомами по всему телу и настроением убийцы-маньяка. Откуда я взялся? Не ваше собачье дело. У каждого из нас есть прошлое, о котором лучше не спрашивать, если не хочешь услышать историю, после которой неделю не сможешь спать. Важно то, что я пришёл, увидел эту улицу и решил: она будет моей. Не потому, что она такая уж прекрасная — обычная греческая улочка, помойки, апельсиновые деревья, жара, — а потому что мне надоело бегать, драться за каждый кусок, спать с одним открытым глазом. Мне нужна была территория. Стабильность. Место, где я — главный.

В первый день я съел всю еду, которую какая-то добрая душа выставила для местных котов, и когда они попытались возмутиться, я просто посмотрел на них. Один взгляд. Холодный, как лёд. Многообещающий, как нож мясника. Этого хватило. Они отступили. Во второй день я занял лучшее место для сна — балкон на втором этаже, откуда видна вся улица. В третий день я избил всех, кто решил проверить, насколько я серьёзен.

Это была короткая, жестокая неделя. Но очень эффективная.

Сейчас на левой стороне улицы всё работает так, как я сказал. Иерархия. Порядок. Уважение. Я ем первым. Я сплю там, где хочу. Я решаю, кого пускать на территорию, а кого гнать в шею. И все это понимают.

Ну, почти все. Всегда найдется пара идиотов, которые думают, что правила к ним не относятся.

Луис сидит на ступеньках подъезда и смотрит на меня с таким выражением морды, будто я только что спустился с небес в сияющем ореоле. Рыже-белый, полосатый хвост, длинные

лапы, вечно взъерошенная шерсть — он выглядит как типичный дворовой кот, который слишком много думает о смысле жизни и слишком мало — о том, чтобы нормально вылизаться. Луис — моя правая рука. Или, точнее, моя правая лапа, потому что руки у нас, если вы не заметили, отсутствуют.

Но он верен. Преданно верен. Идиотски верен. Это редкость.

— Привет, бро, — говорит он, и я поморщился, потому что ненавижу этот его молодёжный жаргон. И где только набрался. Не у той же женщины, у которой квартировал некоторое время. Я бы предпочел «Ваше Величество» или хотя бы «сэр», но Луис — это Луис. Переделывать его бесполезно, да и не нужно. Он единственный, кто может называть меня «бро» и остаться в живых.

— Луис, — киваю я. — Что-то случилось?

— Черныш опять на границе. Третий день подряд сидит. Наглый, как турист без чаевых.

Я медленно поворачиваю голову в ту сторону, куда указывает Луис. Действительно, на краю нашей территории, там, где заканчивается левая сторона и начинается ничья земля перед соседней улицей, сидит чёрный кот. Полностью чёрный, без единого белого пятна, с жёлтыми глазами, которые смотрят на меня с наглой уверенностью. Черныш. Этот чёрный придурок с соседней улицы, который никак не может понять простую мысль: здесь ему не рады.

Упорство — это, конечно, хорошо. Но упорство без мозгов — это просто способ умереть раньше времени.

— Третий день, говоришь? — уточняю я.

— Угу. Вчера он даже дошёл до кормушки. Съел немного корма. Я хотел его прогнать, но подумал, что ты сам захочешь с ним поговорить. По-мужски.

«По-мужски» в переводе с Луиса означает «избить до полусмерти», но я ценю, что он спросил разрешения. Это и называется иерархией.

Я поднимаю голову к балкону, откуда доносится очередной истеричный вопль.

Рыжка вообще всегда на что-то орёт — на птиц, на других котов, на воздух, если ей кажется, что воздух недостаточно её уважает. Рыже-белая полосатая кошка с характером истерички и голосом, способным разбудить всю улицу, — она моя... как бы это назвать... подруга? Сожительница? Постоянный источник головной боли? Все три варианта верны.

Мы с Рыжкой живём на этом балконе уже два года. И за эти два года я понял одну важную вещь: она совершенно невыносима, но при этом предана мне так же, как Луис, только гораздо громче.

Если кто-то попытается меня тронуть, Рыжка устроит такой скандал, что весь район сбегится посмотреть. А потом ещё и подерётся. Плохо, неумело, с кучей крика и драматизма — но подерётся.

Я уважаю её за это. Немного. Потому что при всей своей невыносимости она — единственная кошка на этой улице, которая не боится сказать мне правду в морду. Даже когда эта правда звучит как истеричный вопль в три часа ночи.

Я медленно встаю, потягиваюсь, выгибая спину, и слышу, как Луис сглатывает. Он знает, что будет дальше. Это все знают. Потом медленно иду к границе территории, где Черныш сидит и смотрит на меня, как будто ждал этой встречи всю жизнь. Идиот.

Он не отступает, когда я подхожу ближе, и это либо очень смело, либо очень глупо. Скорее всего, второе. Он молод, года три максимум, и у него ещё есть эта юношеская уверенность, что мир ему что-то должен. Жизнь ещё не успела выбить из него эту глупость, но я с радостью помогу.

— Черныш, — говорю я спокойно, останавливаясь в паре метров от него. — Ты меня не слышишь? Или ты просто тупой?

Он встаёт, распушив хвост, пытается выглядеть больше, чем есть на самом деле. Классика. Молодые коты всегда так делают, думают, что размер решает всё. Не решает.

— Это не твоя улица, Люцифер, — говорит он, и голос у него дрожит, но он старается это скрыть. — Это ничья земля. Я имею право здесь быть.

Я медленно сажусь, поджимаю хвост, смотрю на него с таким выражением, будто он только что сказал что-то невероятно скучное.

— Ничья земля, — повторяю я задумчиво. — Интересная теория. А теперь давай я объясню, как всё работает на самом деле. Видишь вон то дерево? — Я киваю на апельсиновое дерево слева. — До него — моя территория. Видишь ту помойку? — Киваю направо. — До неё — тоже моя. А всё, что между ними, включая то место, где ты сейчас сидишь своей тощей задницей, — тоже моё. Понял?

Черныш смотрит на меня, и я вижу, как в его глазах борются два чувства: страх и упрямство. Упрямство побеждает. Дурак.

— Я не уйду, — говорит он. — У меня нет другого места.

И вот тут я чувствую что-то почти похожее на жалость. Почти. Потому что я тоже когда-то не имел другого места, и тоже был тем, кто приходил на чужую территорию и требовал своё. Разница в том, что я был сильнее. Умнее. Безжалостнее.

А Черныш — просто упрямый идиот без плана.

— У тебя есть выбор, — говорю я, вставая. — Уйти сейчас и остаться целым. Или остаться и узнать, почему меня зовут Люцифером.

Он не уходит. Конечно, не уходит.

И тогда я показываю ему.

Драка короткая, жестокая и односторонняя. Черныш пытается, он действительно старается, но у него нет ни опыта, ни техники, только отчаяние, а отчаяние — плохой учитель. Я бью быстро, точно, целюсь в морду, в уши, в шею, и через минуту он уже лежит на асфальте, тяжело дышит и смотрит на меня снизу вверх с выражением, которое я видел тысячу раз — смесь страха, боли и понимания.

Понимания, что он проиграл.

— В следующий раз, — говорю я, наклоняясь к нему, — я не буду таким добрым. В следующий раз ты останешься здесь навсегда. Понял?

Он кивает, и я вижу кровь на его морде, но мне всё равно. Жалость — это роскошь, которую я не могу себе позволить. Если я позволю ему остаться, завтра придут ещё двое. Потом пятеро. Потом десять. И тогда моя территория перестанет быть моей.

Я разворачиваюсь и ухожу, оставляя Черныша лежать илизывать раны.

Луис смотрит на меня с восхищением, когда я возвращаюсь.

— Ты его... того... — начинает он.

— Нет, — обрываю я. — Я не убиваю без причины. Но он больше не вернётся.

Луис кивает, и мы идём обратно к балкону, где Рыжка всё ещё орёт на птиц.

Она встречает меня криком, что, в общем-то, неудивительно, потому что Рыжка встречает криком всё и всех, это её способ общения с миром.

— Люцик! — вопит она с балкона, и весь двор, наверное, слышит. — Где ты был?! Я тут сижу одна, а эти проклятые голуби...

— Работал, — обрываю я, запрыгивая на нижнюю решётку балкона. — В отличие от некоторых, кто целыми днями просто орёт на птиц.

— Я не ору! — орёт она. — Я их воспитываю! Они должны знать своё место!

— Черныш опять приходил? — спрашивает она, когда я запрыгиваю на балкон и устраиваюсь на своём месте у стены.

— Приходил, — коротко отвечаю я.

— И?

— Больше не придёт.

— Ты его убил? — В её голосе нет ужаса, только любопытство.

— Нет. Просто объяснил правила.

Рыжка фыркает, поворачивается и снова начинает орать на голубей, которые сидят на соседнем дереве и явно не впечатлены её воспитательными методами. Я закрываю глаза, подставляю морду солнцу и позволяю себе расслабиться. На пару минут. Потому что расслабляться надолго — это роскошь, которую не может себе позволить тот, кто держит власть.

Власть — это не корона, которую надел и забыл. Власть — это работа. Ежедневная, выматывающая работа, где ты должен постоянно доказывать, что ты всё ещё главный, сильный и достоин уважения. Стоит расслабиться, показать слабость — и найдётся кто-то, кто попытается тебя скинуть. Всегда найдётся.

Поэтому я сплю мало. Поэтому я всегда начеку. Поэтому я первым прихожу на кормление и последним ухожу — чтобы все видели, что я контролирую ситуацию.

Иногда я устаю от этого. Но признаться в этом — значит проиграть.

К вечеру на улице собираются все. Это ритуал, священный и неизменный, как смена времён года: когда солнце начинает садиться и жара спадает, Та, Что Кормит выходит из своей квартиры на нулевом этаже и несёт миски с едой к помойкам. Иногда это сухой корм, иногда консервы, иногда что-то, что она приготовила сама, и честно говоря, её кулинарные эксперименты не всегда съедобны, но мы едим, потому что выбора нет.

Та, Что Кормит — это женщина, которая решила, что все коты на этой улице — её личная ответственность, и честно говоря, без неё большинство из нас давно бы сдохло. Она кормит, лечит, таскает котов к ветеринару, воюет с соседями, которые выбрасывают наши миски. Она единственный человек на этой улице, которого я уважаю. Не люблю — я вообще не люблю людей, — но уважаю.

Когда она выходит, я спускаюсь с балкона первым. Это правило. Главный ест первым. Луис идёт за мной, потом Рыжка, потом все остальные коты левой стороны — Тигра, Блондин, Свитти, Феликс. Правая сторона приходит своей группой, возглавляемой Мистером Смоком, и мы не смешиваемся. У нас негласное перемирие: они не лезут на нашу территорию, мы не лезем на их. Это работает.

Женщина ставит миски, и я первым подхожу к той, где консервы. Луис ждёт, пока я не начну есть, и только потом подходит к сухому корму. Рыжка, конечно, сразу начинает возмущаться, что ей не досталось консервов, но я смотрю на неё одним взглядом, и она замолкает. Ненадолго.

Тигра, старая полосатая кошка с хриплым голосом, пытается пролезть ко мне и стащить кусок из моей миски, но я рычу, и она отступает. Тигра всегда пытается. У неё нет чувства меры и нет памяти — каждый день она забывает, что я главный, и каждый день я ей напоминаю. Это утомительно, но Тигра старая, и я не бью её так, как бью молодых наглецов. У меня есть некоторое подобие совести. Некоторое.

Светлый кот с огромными ушами и грустными голубыми глазами сидит в сторонке и ждёт, когда все закончат. Та, Что Кормит, называет его Блондином — почему-то люди любят давать нам странные имена, — но я зову его просто Белёсый. Он всегда последний. И самый пугливый. Луис его недолюбливает, я вообще стараюсь не замечать, но Та, Что Кормит, всегда оставляет для него отдельную миску, которую ставит подальше от всех. Она знает, что если поставить её рядом с нами, Белёсый вообще не подойдёт. Люди иногда понимают больше, чем мы думаем.

— Люц, — говорит Луис, подходя ко мне, когда я заканчиваю есть, — а почему Фараон никогда не приходит на кормление вместе со всеми?

Я поворачиваю голову и вижу, что Луис смотрит куда-то вдаль, туда, где на капоте синего «фольксвагена» лежит рыжий кот. Фараон. Одиночка. Загадка. Единственный кот на этой улице, которого я не могу контролировать.

— Потому что он не признаёт иерархию.

— Но ты же главный, — недоумевает Луис. — Он должен...

— Он никому ничего не должен, — обрываю я. — Фараон живёт по своим правилам. Он не часть нашей системы. Он... вне её.

И это правда. Фараон появился на этой улице раньше меня, жил здесь всегда, и когда я пришёл и начал захватывать территорию, он просто... проигнорировал меня. Не бросил вызов, не подчинился, просто сделал вид, что меня не существует. И это сработало. Потому что я быстро понял, что драться с Фараоном — плохая идея. Не потому, что он сильнее меня физически, нет, я, скорее всего, выиграю. Но потому, что он другой. У него нет ничего, что можно отнять. Нет территории, которую он защищает. Нет амбиций, которые можно использовать. Он просто существует, и этого ему достаточно.

Я это уважаю.

— Он ест один, — продолжаю я, наблюдая, как Та, Что кормит ставит отдельную миску подальше от всех, специально для Фараона. — Приходит, когда все уходят. Она оставляет ему еду, и он забирает её. Вот и вся история.

— А почему ты не...

— Не лезу к нему? — заканчиваю я за Луиса. — Потому что я не идиот. Драться с Фараоном — это как драться с тенью. Бессмысленно. Он не хочет моей власти, но он не претендует на мою территорию, а просто хочет, чтобы его оставили в покое. И я оставляю.

Луис кивает, но я вижу, что он не совсем понимает. Луис вообще многое не понимает, его картина мира проста: есть Люцифер, и есть все остальные, которые подчиняются Люциферу. Исключения его сбивают с толку.

Но я-то понимаю. Потому что когда-то я сам был таким, как Фараон. Одиночкой, который никому ничего не должен. А потом я выбрал другой путь — путь власти, контроля, ответственности. И теперь я не могу вернуться назад. Даже если иногда хочу.

Ночью, когда все спят, я сижу на балконе и смотрю на улицу. Рыжка похрапывает в углу, Луис устроился на ступеньках подъезда внизу, остальные коты разошлись по своим местам. Улица тихая, только где-то вдалеке лает собака, да светят фонари.

Я вижу Фараона на капоте машины. Он не спит, сидит и смотрит в темноту, как всегда. Интересно, о чём он думает? О свободе? О том, что он один и это нормально? Или о том же, о чём думаю я — что завтра снова придётся доказывать, что ты достоин своего места?

Я не знаю. И никогда не узнаю, потому что мы с Фараоном не разговариваем. Мы просто существуем на одной улице, уважая границы друг друга. Это странный мир, где одиночка и диктатор живут в перемирии, но он работает.

Я закрываю глаза и думаю о том, что сегодня был хороший день. Никто не погиб, все поели, Черныш усвоил урок, территория под контролем. Завтра будет новый день, и, возможно, придётся драться снова, напоминать кому-то правила, показывать, кто здесь главный.

Но сегодня — всё в порядке. Левая сторона улицы принадлежит мне. И я не собираюсь её отдавать.

Утром меня будит Рыжка своим воплем о том, что голуби опять сидят не на том дереве, и я понимаю, что день начался. Обычный день на улице, где я — закон и порядок, где я — Люцифер.

Справедливый Повелитель Тьмы.

А хозяйка всё равно будет звать меня «милым котиком».

Жизнь полна противоречий.

Глава 2: Дежурная у кормушки



Полосатая кошка с пронзительными голубыми глазами сидит на своём посту под старым апельсиновым деревом и наблюдает за улицей с выражением лица охранника в музее, который знает, что воры обязательно придут, просто пока не знает когда. Стройная, изящная, с окрасом табби и белыми носочками на лапах, она выглядит как обычная домашняя кошка, которая случайно заблудилась на улице. Но это обман. Она здесь не случайно. Она здесь по делу.

Её зовут Свитти, и она — главный дозорный левой стороны улицы.

Когда Та, Что Кормит, выходит из дома, Свитти первой это замечает. Когда Плохие Соседи крадутся к кормушкам с намерением их выбросить, Свитти бьёт тревогу. Когда новый кот пытается пробраться на территорию, Свитти сообщает Люциферу. Её работа — видеть всё, знать всё, докладывать обо всем. И она делает это безупречно. Потому что кто-то должен.

Меня зовут Свитти, и я сижу под своим деревом уже третий час подряд, потому что дежурство — это не шутки, это ответственность.

Моё дерево находится в самом удачном месте на левой стороне улицы: отсюда видно окна Той, Что Кормит, кормушки у помоек, границу территории и даже краешек правой стороны, где командует Мистер Смок — или, как я его называю, Смоки, потому что официальные титулы это, конечно, хорошо, но мы с ним друзья, а друзья могут позволить себе фамильярности.

Под деревом всегда тень, даже в самую жару, и всегда падают апельсины, которые я игнорирую, потому что кошки не едят фрукты, хотя туристы постоянно пытаются нас этим угостить. Туристы вообще странные. Они думают, что мы милые пушистики, которые едят всё подряд и мурлыкают от счастья. Ха. Если бы они знали правду.

Сейчас раннее утро, солнце только поднялось, и улица ещё спит, но я уже на посту. Потому что именно утром происходят самые важные события: Та, Что Кормит, выходит рано, до того, как жара станет невыносимой, и если я пропущу её выход, все остальные коты останутся голодными и будут на меня обижаться. А мне не нравится, когда на меня обижаются.

Особенно Тигра. Этот полосатый бочонок с хриплым голосом и пузом размером с дирижабль способна устроить скандал, если еда задерживается хотя бы на пять минут. Тигра всегда голодна. Всегда. Я подозреваю, что у неё внутри не желудок, а чёрная дыра, которая засасывает всю еду в радиусе километра. Однажды я видела, как она съела три полные миски подряд, потом попыталась украсть кусок у Луиса, получила от него лапой, обиделась и пошла выпрашивать добавку у Той, Что Кормит. И получила! Потому что у Тигры талант — она умеет выглядеть голодной, даже когда её пузо касается земли.

Я слышу шаги. Моё ухо дёргается. Кто-то идёт. Поворачиваю голову и вижу Луиса, который бредёт по улице со своим вечно взъерошенным видом и выражением морды философа, который забыл, о чём думал пять минут назад. Луис — хороший кот, преданный, храбрый, но, боже мой, какой же он рассеянный. Иногда он подходит ко мне и спрашивает: «Свитти, а ты видела, куда пошёл Люцифер?» — хотя Люцифер в этот момент сидит на балконе прямо над нами и смотрит на Луиса с выражением глубокого разочарования.

— Доброе утро, Луис, — говорю я вежливо, потому что хорошие манеры ещё никому не мешали.

— О, Свитти, привет! — он явно рад меня видеть. — Ты уже дежуришь?

— Я всегда дежурю.

— Ты такая ответственная. Я бы не смог так сидеть часами.

— Знаю. Ты бы уснул через десять минут.

Луис смеётся — он не обижается на правду, это одна из его хороших черт.

— Слушай, а Та, Что Кормит, уже выходила?

— Ещё нет. Но скоро выйдет. Обычно она выходит в это время.

— Отлично. Я подожду.

Луис устраивается рядом со мной, и мы сидим в тишине, наблюдая за улицей. Это приятно. Луис — один из немногих котов, с которым можно молчать, и это не будет неловко. С Рыжкой, например, невозможно: она через минуту начинает орать на что-нибудь просто от скуки.

Я смотрю на окно Той, Что Кормит, и вспоминаю Феликса.

Феликс был моим другом. Нет, больше, чем другом. Он был моим мужем, если коты вообще могут использовать это слово. Мы проводили вместе почти всё время: спали рядом в картонном домике в глубине двора, ели из одной миски, грелись на солнце. Феликс был красавец — черно-белый, с умными глазами и мягкой шерстью. Правда, он всё время чихал. Постоянно. Даже во сне. У него была болезнь, из-за которой он не мог нормально дышать, и когда началась Великая Хворь, ему стало ещё хуже. А потом он пропал.

Это случилось уже после эпидемии. Феликс просто не вернулся однажды вечером. Я ждала его всю ночь под нашим деревом, а утром побежала искать по всей улице, но его нигде не было.

Люцифер сказал, что, может быть, Феликса наконец поймали и забрали лечить. Луис сказал, что, может быть, он ушёл на другую улицу, потому что было так плохо, что не мог идти домой. Смоки ничего не сказал, просто лёг рядом со мной и помолчал, и это было самое утешительное, что кто-то мог сделать.

Я до сих пор скучаю. Иногда я ловлю себя на том, что поворачиваю голову, ожидая увидеть его рядом, и вспоминаю, что его больше нет.

Но я продолжаю дежурить. Потому что это моя работа. И потому что, если я перестану, всё развалится. Кто-то должен следить за порядком.

И этот кто-то — я.

Дверь на нулевом этаже открывается, и я мгновенно напрягаюсь. Это она. Та, Что Кормит. Я издаю короткое мяуканье — сигнал. Луис вскакивает, Тигра, которая дремала на крыше сарая, моментально оживает и спрыгивает вниз с грацией падающего мешка с картошкой. Даже Блондин, который всегда прячется, высовывает голову из кустов.

— Она идёт! — кричу я, и вся левая сторона улицы приходит в движение.

Та, Что Кормит, несёт большой пакет. Я чувствую запах консервов. Сегодня будет хороший день.

Люцифер спускается с балкона медленно, демонстративно, как всегда, и первым подходит к Той, Что Кормит. Это правило. Главный ест первым. Я не возражаю — у нас есть иерархия, и она работает. Луис идёт за ним, потом Рыжка, которая уже начинает возмущаться, что ей мало места, хотя места полно.

Я подхожу последней из котов левой стороны — моё место в иерархии не самое высокое, но и не самое низкое. Я — наблюдатель, дозорный, и это почётно.

Та, Что Кормит, ставит миски, и я вижу, как она смотрит на меня с лёгкой грустью. Она тоже помнит Феликса. Она знала, что мы были вместе. Иногда мне кажется, что люди понимают больше, чем мы думаем. Я начинаю есть, и это вкусно — сегодня настоящая курица, а не сухой корм. Тигра уже пытается пролезть к моей миске, но я шиплю, и она отступает. Уважай личные границы, толстушка.

Справа от нас, на своей территории, появляется Смоки со своей группой. Мы с ним обмениваемся взглядами — всё спокойно, никаких проблем. Правая и левая стороны живут в мире, и это хорошо. Войны нам не нужны.

Но тут я слышу звук, который заставляет меня напрячься. Шаги. Тяжёлые и решительные. Плохие Соседи.

Я поворачиваю голову и вижу их: двое мужчин средних лет, оба с недовольными лицами и руками, готовыми схватить наши миски. Один из них — тот, кто всегда кричит, что мы «рассадник заразы» и «надо вызывать санитарную службу». Другой — тот, кто однажды вылил нам воду в сорокаградусную жару.

Я ненавижу их обоих.

— Опять эти твари! — кричит первый, направляясь к кормушкам.

Та, Что Кормит, мгновенно разворачивается и преграждает ему путь.

— Оставьте кормушки в покое, — говорит она твёрдо.

— Это общественная территория! Мы имеем право убирать этот мусор!

— Это не мусор, это еда для животных, которые здесь живут!

— Они здесь НЕ живут! Они здесь гадят и разносят болезни!

Я чувствую, как Люцифер напрягается рядом. Он не любит, когда люди кричат на Ту, Что Кормит. Луис шипит. Рыжка вообще начинает орать на Плохих Соседей, что, честно говоря, не помогает ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.